

ЖЕРНОВА

Забрёл на старосветское гумно
И будто окунулся в час пещерный.
Там жернова, забытые давно,
Лежали среди мусора и скверны.

Который год их каменную плоть
Ничья рука не греет терпеливо,
И в августе им нечего молоть,
Какой бы хлеб ни уродила нива...

И только время капает с лотка
На верховик, навек одетый в холод.
Но век ушедший, будто сонный волот*,
Внезапно крякнул...
Памяти мука́
Вдруг заструилась... И тотчас предстало
В воображенье прошлое опять...

* Волот (бел.) – богатырь.

И я сказал камням: “Вам лет немало,
Но и без дела нечего лежать.
Перемелите лучше на муку
Всё горе, что случилось на веку,
Чтоб очищенье светлое настало”.

ПОГРЕБ

Душное лето дыханье плавило,
Вниз по ступенькам шагало, светлое.
Бабушка, верная вечным правилам,
Погреб меня позвала проветривать.

Как я бежал с огорода... Как же я
Счастью навстречу ладони выставил!
Не говорил, что ступенька каждая,
В погреб ведущая, страхом выслана.

Весь в паутине, во мраке, в плесени,
Погреб казался мне чёрной нишею.
Вот уже бочки наверх вознесены,
Лезут на солнце их лики рыжие.

Цербер, что света не видел белого,
От холодрыги-воды в сумятице.
Миска, на солнышке разомлелая,
Встав на ребро, удирает-катится.

Вымытый погреб, где воздух с привкусом
Всех разносолов, на зиму спрятанных,
Где ни страшилищ, ни бед... Лишь йскусы —
Только ступень запоёт под пятками.

Только вздохнёшь — огурцы солёные
Так ароматны — слышать на улице.
...В сторону сдвинув вершки зелёные,
Батка черпает рассол... И жмурится...

* * *

Порыжел огуречник давно,
Притаились туманы за вёслами.
Солнце рано зайдёт... И темно.
Поле голое. Холодно. Ветрено.

Чёрный грач, будто чёрный монах,
Ковыляет межой перепаханной.
День болотом и рыбой пропах,
И ужи выползают на запахи.

Приросло к перелеску сельцо,
Тишину нарушая убогую.
И качается-едет сенцо
На возах полевою дорогою.

Бор в осенней дремоте затих,
Серым совам безмолвие нравится...
И от этих видений родных
Мне уже никогда не избавиться.

ФЛЮР

Очей-черничин остренький прищур,
Чуть смуглое лицо и чуб смоляной.
Я позову его, как в детстве: — Флюр! —
И он придёт с Даниловой поляны.

Мы в Бабчине с ним лазили в сады,
Ходили в лес — с потёмок до потёмок.
Товарищ мой, татарской той орды
На всё село единственный потомок.

Отец его весь день на буровой,
А с ним и мать... В дому лишь пара кошек.
У пацанов соблазн известный, свой:
Пошли грибы — набрать бы полный кошчик!

Любители ребячьих авантюр,
Мы свой “улов” сбывали для закуски.
И говорил мой друг-приятель Флюр
С другими — и со мной — по-белорусски.

Родимых слов немаленький процент
Обогатил его запас словарный.
Ну, а акцент... Конечно, был акцент...
Смешной и лёгкий... Совсем не вульгарный.

Хватал тетрадки. Думал про своё
И спрашивал с загадочным прищуром:
“Скажи по правде... Это... Двойки ё?..”
Ну, что таким ответишь балагурам?

Прошли года... Немало горьких бурь
Мы видели... Сердца — и те не в ритме...
Приди, дружище, черноокий Флюр,
Как хочется с тобой поговорить мне!

Опять скажу неправду: “Двойки ё!..” —
Не всем по нраву отчей мовы чары.
И вновь, и вновь талдычат про своё
Иных времён “монголы и татары”.

Как бы желали “мове” новых бурь
Родных краёв забывшиеся дети!
Ты овладел за месяц ею, Флюр.
А что они? За жизнь не овладеть им!

Летят года... Все уже братский круг.
Для многих “мова” — только вид нагрузки.
Приди из детства, мой татарский друг,
Поговори со мной по-белорусски.

*Перевёл с белорусского
Анатолий Аврутин*